

МЕТОДОЛОГИЯ
METHODOLOGY

**Экономическая теория бедности
или бедность экономической теории?
(полемические размышления о научном вкладе
нобелевских лауреатов по экономике 2019 г.)**

*Р.М. НУРЕЕВ**,
*Ю.В. ЛАТОВ***

***НУРЕЕВ Рустем Махмутович** – доктор экономических наук, научный руководитель Департамента экономической теории Финансового университета при Правительстве РФ, ординарный профессор Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”. Адрес: Москва, Ленинградский проспект, 49. E-mail: nureev50@gmail.com

****ЛАТОВ Юрий Валерьевич** – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Директор Центра институциональных исследований Финансового университета при Правительстве РФ. Адрес: Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5. E-mail: latov@mail.ru

Анализируется эволюция экономических концепций борьбы с бедностью в странах догоняющего развития, начиная с Г. Мюрдаля в 1960-е гг. и кончая лауреатами премии им. А. Нобеля по экономике за 2019 г. – А. Банерджи, Э. Дюфло и М. Кремером. Работы этих нобелевских лауреатов сознательно делают акцент на вопросах не теории, а практики, привнося в экономику развития экспериментальные методы. Доказывается, что выводы “троицы” нобелевских лауреатов на самом деле трудно назвать революционными, поскольку они развивают идеи предшествовавших теоретиков (Г. Мюрдаля, А. Сена, А. Дитона) и практиков (М. Юнус, Э. де Сото) экономики развития, которые еще в 1960–1980-е гг. пришли к выводу, что для действенной помощи бедным в “третьем мире” нужно сочетать макроэкономические меры с микро- и мезоэкономическими подходами, учитывающими региональную институциональную специфику. Критический взгляд на достижения экспериментальной экономики развития приводит к выводу, что стремление новых нобелевских лауреатов “уйти” от теории приводит на самом деле к снижению результативности их подходов.

Ключевые слова: догоняющее развитие, бедность, методы борьбы с бедностью, экономическая теория развития, экспериментальная экономическая теория.

DOI: 10.31857/S086904990010075-4

Цитирование: Нуреев Р.М., Латов Ю.В. (2020) Экономическая теория бедности или бедность экономической теории? (полемические размышления о научном вкладе нобелевских лауреатов по экономике 2019 г.) // *Общественные науки и современность*. № 3. С. 139–154. DOI: 10.31857/S086904990010075-4

Работа выполнена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету при Правительстве РФ по теме “Семейные домохозяйства как экономический субъект”.

Economics of poverty or poverty of economics? (Polemical reflections about the scientific contribution of the Nobel prize laureates economy for 2019)

*Rustem M. NUREEV**,
*Yury V. LATOV***

***Rustem M. Nureev** – Ph.D. (Economics), Financial University under the Government of the Russian Federation scientific supervisor of the Department of Economics – Higher School of Economics Moscow. Address: 49 Leningradsky Prospekt, Moscow, Russian Federation. E-mail: nureev50@gmail.com

****Yury V. Latov** – Ph.D. (Sociology), Leading Researcher Institute of Sociology, Federal Scientific Research Center of RAS, Director of Center for Institutional Studies Financial University under the Government of the Russian Federation. Address: 24/35 Krzhizhanovsky st., Moscow, Russian Federation. E-mail: latov@mail.ru

Abstract: The evolution of economic concepts of combating poverty in catch-up countries starting from G. Myrdal in the 1960s is analyzed. and ending with the laureates of the prize to them. A. Nobel in Economics for 2019 – A. Banerji, E. Duflo and M. Kremer. The works of these Nobel laureates devoted to the search for new methods to increase the effectiveness of the fight against poverty consciously focus on questions not of theory but of practice, introducing experimental methods into the development economy. New Nobel laureates prove that the means to combat poverty must be sought together with the recipients of this assistance, creating effective incentives for them. The article proves that the conclusions of the “trinity” of Nobel laureates are actually difficult to call revolutionary, since they develop the ideas of previous theorists (G. Myrdal, A. Sen, A. Deaton) and practitioners (M. Yunus, H. de Soto) development economies that were back in the 1960-1980s came to the conclusion that in order to effectively help the poor in the “third world” it is necessary to combine macroeconomic measures with micro- and meso-economic approaches that take into account regional institutional specifics. A critical look at the achievements of the experimental development economy leads to the conclusion that the desire of the new Nobel laureates to “leave” the theory actually leads to a decrease in the effectiveness of their approaches.

Keywords: catch-up development, poverty, poverty reduction methods, development economics, experimental economic theory.

DOI: 10.31857/S086904990010075-4

Citation: Nureev R., Latov Yu. (2020) Economics of poverty or poverty of economics? (Polemical reflections about the scientific contribution of the Nobel prize laureates economy for 2019). *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 139–154. DOI: 10.31857/S086904990010075-4 (In Russ.)

Мы подобны карликам на плечах великанов; мы видим больше и дальше, чем они, не потому, что обладаем лучшим зрением, и не потому, что выше их, но потому, что они нас подняли собственным величием.

Бернар Шарптрский (XII в.)

В “раздаче” Нобелевской премии по экономике в последние годы прослеживается почти маятниковая закономерность – награды неоклассикам за новые методы экономико-математического анализа чередуются с премиями экономистам институциональных направлений за анализ “не совсем” рациональных “правил игры” в хозяйственной жизни. Зная эту закономерность, заранее можно было предсказать, что в минувшем году премируют экономистов, близких к институциональному направлению. И этот прогноз подтвердился: Нобелевскую премию по экономике 2019 г. вручили Э. Дюфло, А. Банерджи и М. Кремеру “за экспериментальный подход к искоренению глобальной бедности”.

Однако выбор Шведской королевской академии наук оказался в некоторых аспектах неожиданным, поскольку награжденная “троица” вызывает у значительной части современных экономистов неоднозначные оценки. С одной стороны, пишут, что они совершили настоящую революцию, став основоположниками “доказательной экономики развития” [Ениколопов 2020]. С другой стороны, несмотря на гипервысокую практическую актуальность научных работ награжденных экономистов, их трудно назвать выдающимися теоретиками. В самых первых строчках пресс-релиза о награждении четко указано, что “троицу” награждают вовсе не за новые теории: “Всего за два десятилетия их *новый экспериментальный подход* (курсив наш. – Р.Н., Ю.Л.) изменил экономику развития, которая сейчас является процветающей областью исследований” (<https://www.nobelprize.org/uploads/2019/10/press-economicsscience2019.pdf>). Заслуживают ли исследования, направленные на решение *практических* проблем, премии за *научные* заслуги?

Чтобы оценить решение Шведской королевской академии наук, необходимо поместить работы “троицы” лауреатов в общий контекст эволюции экономической теории развития с 1950-х гг. до наших дней. В отечественной литературе появилось уже много публикаций о нобелевских лауреатах 2019 г. (см., например, [Воробьев, Кравченко, Майборода 2019; Ениколопов 2020; Воронов 2020]), но им не хватает понимания общих закономерностей эволюции экономики развития (*Development Economics*), из-за чего оценки достижений “троицы” лауреатов приобретают несколько апологетический характер.

Плечи великанов

Как известно (см. например, [Нуреев 2020]), *Development Economics* в своем развитии следовала за общими трендами развития мировой экономической науки, последовательно проходя стадии доминирования сначала кейнсианства (1950–1970-е гг.), потом неоклассических идей (1970–1990-е гг.), а в последние десятилетия – экспансии институционализма. Практические действия эволюционировали гораздо медленнее. Конечно, надежды 1950-х гг. на стремительный “взлет” в результате “большого финансового толчка” давно канули в Лету, но по-прежнему наиболее важной проблемой догоняющего развития считается стимулирование экономического роста.

Лауреат премии по экономике им. А. Нобеля за 1974 г., шведский экономист-институционалист Г. Мюрдаль, полвека назад стал одним из первых, кто в центр исследований “третьего мира” поставил проблемы не роста, а развития, понимаемого как институциональные преобразования, направленные против застойной бедности. Эти идеи отражены в его знаменитой монографии “Азиатская драма. Исследование бедности народов” [Myrdal 1968].

Сам подзаголовок книги Мюрдаля свидетельствовал о полемике с последователями А. Смита, в центре внимания которого было исследование причин “богатства народов”. Шведский же институционалист подчеркивал противоположность предмета исследования ученых, занимающихся проблемами стран “третьего мира”, и классиков/неоклассиков, изучавших экономику развитых стран, давно вставших на путь капиталистического развития. Поэтому когда западные экономисты пытались рецепты послевоенного подъема западноевропейских стран использовать для “взлета” слаборазвитых стран, то результаты получались гораздо менее позитивные.

Главная причина слаборазвитости, по Мюрдалю, заключается не в недостатке капитала, а в недоиспользовании трудовых ресурсов, поскольку на Востоке люди, не заинтересованные в своем труде, работают плохо и мало. И в этом, как он полагал, повинна прежде всего система традиционных “азиатских ценностей”. Поэтому главную проблему Мюрдаль видел не в поиске источников капитальных инвестиций, а в обеспечении бедного населения продовольствием и в создании у него стимулов к более производительному труду. Национальное экономическое развитие при этом понималось им не просто как рост среднедушевого национального дохода, но в первую очередь как повышение степени удовлетворения основных потребностей *всех* членов общества.

Можно сказать, что в идеях Мюрдаля, как растение в зерне, заключены уже почти все “революционные” идеи “троицы” прошлогодних нобелевских лауреатов. Именно он подчеркнул приоритетность борьбы с бедностью. Он же четко указал и на необходимость учета региональной специфики (“азиатских ценностей”). Впрочем, один явный минус у Мюрдаля был: он оставался в изучении жизни бедняков “третьего мира” сугубым теоретиком, изучавшим их в значительной степени дистанционно и без обратной связи.

Следующий существенный шаг в становлении современного научного дискурса сделал А. Сен, лауреат премии им. А. Нобеля в 1998 г. “за вклад в экономическую теорию благосостояния”. С темой борьбы с бедностью наиболее тесно связана разработанная Сенем “политическая экономия голода”, изложенная в книге “Бедность и голод” [Sen 1981].

Оригинальная идея индийского экономиста заключалась в том, что массовое недоедание в “третьем мире” вовсе не обязательно связано с нехваткой продуктов питания. Яркий пример, который Сен лично наблюдал в десятилетнем возрасте, – катастрофический голод в Бенгалии в 1943 г. В этом регионе Индии умер примерно каждый десятый, в то время как британская колониальная администрация, озабоченная продуктаминабжением осажженной немцами метрополии и войной с японцами, почти не обращала внимание на вымирание “туземцев”. По мнению Сена, голодовки, хотя и часто связаны с банальными неурожаями, их более глубокой причиной оказывается несовершенство инфраструктуры в развивающихся странах. При плохих транспортных коммуникациях, отсутствии обратной связи между центральным правительством и бедными крестьянами, неурожай, который не трудно “погасить” своевременным импортом продуктов и целенаправленными мерами социальной политики, превращается в катастрофу. Сен доказывал (правда, с опорой скорее на теоретическую логику, чем на живую эмпирику), что политическая демократия (в частности, независимые СМИ и другие организации гражданского общества) способна вынудить правительство принять своевременные эффективные шаги по предотвращению голода.

Другая очень продуктивная идея Сена, которая эхом отзовется в работах “троицы” нобелевских лауреатов 2019 г., – акцентирование внимания на самостоятельном выборе людей в странах догоняющего развития. Мюрдаль хотя и яростно критиковал существующие программы внешней помощи бедным странам, но отнюдь не отвергал саму идею внешнего “прогрессорства”. Сен же четко указывал, что выбор пути развития должен осуществляться в первую очередь самими жителями отстающих стран: свобода – не только цель, но и основное средство догоняющего развития (“уровень развития непосредственно

зависит от свободной деятельности членов общества” [Сен 2004, с. 22]). Уверенность в себе, самоуважение, ощущение себя ответственным субъектом, а не пассивным получателем советов и/или помощи – неотъемлемая предпосылка становления модернизированной личности.

Хотя Сен на личном опыте был знаком с реалиями стран “третьего мира” гораздо лучше Мюрдаля, но с точки зрения непосредственных контактов с объектами своих исследований они оба были “страшно далеки от народа”. Однако в 1980-е гг. в изучении и решении проблем экономики развития наметился качественный перелом: начался демонтаж “четвертой стены”, ранее разделяющей исследователей и объекты их изучения. Прежде экономисты, как зрители в театре, лишь наблюдали со стороны “азиатскую драму”, пытаясь догадаться, чем руководствуются ее персонажи. На новом этапе “зрители”, как в постмодернистском спектакле, начали сами выходить на сцену и лично проверять, кем и как “продуман *распорядок действий*”.

Этот процесс связан в первую очередь с двумя выдающимися экономистами, практическое значение деятельности которых вряд ли ниже, чем у “тройки” прошлогодних нобелевских лауреатов. В 1983 г. М. Юнус в Бангладеш открыл свой знаменитый Грамин-банк. В том же году на другом конце планеты, в Перу, Э. де Сото начал проводить эксперименты по изучению бюрократических процедур официальной регистрации мелкого бизнеса.

Как известно, в афро-азиатских странах дискриминация женщин всегда была типичным явлением: замужние женщины не могли получать кредит без разрешения мужа. Беднякам вообще трудно получать кредит, поскольку нормальным банкам неудобно работать с мелкими заемщиками. Грамин-банк в нищей Бангладеш смело нарушил обе традиции. Он стал не просто специализироваться на микрокредитовании (как правило, не более 100 долл.), но его основными клиентами (более 90%) стали именно женщины – наиболее угнетенная часть беднейшего сельского населения. Эксперимент Юнуса неожиданно обернулся доходным бизнесом (бедняки на удивление аккуратно возвращали кредиты) с очень высокой социальной эффективностью. Начав в 1970-е гг. с жителей одной деревни, в 2000-е гг. Юнус обслуживал уже около 7 млн человек (примерно 4% всего населения страны) [Юнус, Жолы 2010].

Если Юнус на проблему микрофинансирования “наткнулся” без предварительных теоретических соображений, то эксперименты де Сото демонстрируют изрядную теоретическую подготовленность перуанского экономиста. Из его главной книги “Иной путь” (1986) видно, что автор сознательно искал подтверждения своим неинституциональным взглядам. Руководимый де Сото Институт свободы и демократии провел ряд экономических экспериментов для выяснения “цены законности” – тех затрат, которые вынуждены нести лица, желающие заняться мелким легальным бизнесом [де Сото 2008, с. 138–157]. Оказалось, например, что для регистрации скромного бизнеса по пошиву одежды нужно затратить 289 дней и сумму, равную 32 минимальным месячным зарплатам. В последующие десятилетия де Сото инициировал аналогичные эксперименты в других странах “третьего мира” и убедился, что подобные ситуации типичны. Такая бюрократическая система отсекает людей с невысокими доходами от участия в легальной хозяйственной деятельности, выталкивая их в неформальный сектор. Как и микробанкинг Юнуса, эксперименты де Сото и проведенные на их основе реформы вызвали очень сильный международный резонанс, став объектом институционального импорта во многих странах догоняющего развития.

Если Юнус и де Сото – экономисты-практики, то среди экономистов-теоретиков непосредственным предшественником “троицы” лауреатов 2019 г. правомерно считать англо-американского экономиста А. Дитона, получившего в 2015 г. премию им. А. Нобеля по экономике “за анализ потребления, бедности и благосостояния”.

Российским экономистам он известен в первую очередь “Великим побегом” (2013 г.) – фундаментальным исследованием глобальных тенденций роста благосостояния. В ней отмечалось, что за последние 250 лет человечество совершило мощный рывок в развитии здравоохранения и в повышении благосостояния, что находит выражение прежде всего в удлинении ожидаемой продолжительности жизни [Дитон 2016, с. 129]. Гораздо менее в нашей стране известны его работы, посвященные потребительскому поведению домохозяйств в странах “третьего мира”, – например изданная под его редакцией книга “Данные и догма: жаркие споры вокруг индийской бедности” [Deaton 2005]). Между тем основоположником “доказательной экономики развития”, когда теоретические обобщения строго опираются на сбор частных фактов, можно считать не столько “троицу” прошлогодних нобелевских лауреатов, сколько Дитона. Именно он начал еще в 1990-е гг. активно применять анализ результатов прямого наблюдения за экономическим поведением бедных.

Продолжая начатое Сенем исследование социальных причин хронического недоедания бедных, Дитон стал изучать, насколько эффективно используются средства, расходуемые на питание различными категориями населения. В статье [Subramanian, Deaton 1996] использовались данные проведенного в 1983 г. исследования в индийском штате Махараштра, где в выборку вошло по 10 семей из 563 деревень, потребительское поведение которых отслеживали в течение 30 дней. Исследователи пришли к неожиданному выводу: расходы на приобретение калорий, необходимых для дневной трудовой активности, составляют менее 5% дневной заработной платы. Такой вывод оказался в разительном противоречии с доминирующими представлениями, будто бедняки недоедают из-за низкой заработной платы. На самом же деле индийские бедняки голодали не потому, что плохо работали, а наоборот, плохо работали, потому что недоедали, тратя заработанные гроши в значительной степени на малокалорийные продукты и на непродуктивное (в том числе престижное) потребление. Мнение Сена, что недоедание в “третьем мире” чаще всего связано не с недопроизводством продуктов, а со снижающей рациональность работников институциональными особенностями, получило тем самым эмпирическое подтверждение.

Стоящие на плечах

Сопоставление нобелевских лауреатов 2019 г. с их предшественниками демонстрирует, таким образом, что в применении экспериментальных методов в экономической теории развития они являются не “революционерами”, а скорее (если вспомнить вынесенный в эпиграф афоризм) теми карликами, которые видят лучше всех, поскольку стоят на плечах гигантов. Действительно, ведь практически все идеи, которые высказывали в 2000–2010-е гг. Банерджи, Дюфло и Кремер, ранее уже звучали. Применяемые этими лауреатами методы экспериментальной проверки, как будет показано далее, существенно отличаются от методов их предшественников, но сам сдвиг от дедуктивных методов (когда под теорию ищется эмпирика) к индуктивным (когда из экспериментальной эмпирики выводится обобщение) начался тоже до них.

Очень похоже, что “троице” в определенной степени повезло находиться в правильное время в правильном месте. Один из глобальных трендов развития современной экономической науки – ее сближение с социологией, для которой обязательна опора на данные экспериментов и мониторинговых обследований. Другой тренд – усиление внимания к развитию отстающих стран. На пересечении этих трендов и формируется экспериментальная (“доказательная”) экономика развития, идеи которой “носятся в воздухе” с 1980-х гг., так что настало время кого-то за это отметить. Юнуса уже не наградишь (после полученной им в 2006 г. Нобелевской премии мира вторая нобелевская премия была бы перебором), де Сото пишет свои интеллектуальные бестселлеры слишком популярно, а Банерджи,

Дюфло и Кремер – хотя и не глубокие теоретики, но вполне академические ученые. Вот на них и пал выбор.

На присуждение премии им. А. Нобеля “троице” экспериментаторов также повлияла, видимо, полемика о действенности финансовой помощи богатых стран бедным. Такая полемика идет с самого начала формирования этого института, но в последние годы правомерность программ помощи Всемирного банка и иных организаций стала критиковаться особенно сильно, причем с разных позиций.

Либеральную критику олицетворяет выдающийся американский экономист У. Истерли, сам долго проработавший во Всемирном банке. Он доказывает, например, в книге “В поисках роста. Приключения и злоключения экономистов в тропиках” (2001 г.), что в системе международной финансовой помощи действует сильнейший “эффект дырявого ведра”. В частности, располагая данными по 88 странам за 1950–1995 гг., Истерли ставит проблему: “Чтобы можно было серьезно говорить о взаимосвязи объемов помощи и инвестиций, эта зависимость должна отвечать как минимум двум критериям. Во-первых, должна существовать положительная статистически значимая связь между предоставлением помощи и объемом инвестиций. Во-вторых, помощь должна переходить в инвестиции как минимум в соотношении один к одному” [Истерли 2006, с. 55]. Однако первый критерий соблюдается только в 17 странах из 88, а из этих 17 только 6 отвечают второму критерию. Получается, что в подавляющем большинстве получающих помощь стран “третьего мира” она либо слабо, либо вообще никак не влияет на их экономический рост. Критика программ финансовой помощи звучит и слева. Уместно вспомнить бестселлер Д. Перкинса “Исповедь экономического убийцы” (2004 г.), где рассказывается, как западные экономические советники подталкивали политиков “третьего мира” залезать в “долговую петлю” [Перкинс 2012]. Хотя среди специалистов такие криптологические заявления, мягко говоря, не котируются, у широкой публики росло убеждение, что нет дыма без огня.

На фоне этой критики работы “тройки” нобелевских лауреатов становились действенной защитой программ финансовой помощи. Они доказывали, что эти программы надо не отменять, а качественно менять – дробить на мелкие региональные проекты, посвященные решению конкретных вопросов, и внедрять, ориентируясь на сигналы обратной связи. Подчеркнутое отсутствие у них общей теории в таком контексте оказывается даже достоинством (критикам программ внешней финансовой помощи труднее критиковать их теоретическую базу в силу отсутствия таковой).

Наиболее яркой личностью среди всех троих является, конечно, Э. Дюфло – самый молодой лауреат Нобелевской премии по экономике (родилась в 1972 г. в Париже). Ее биография хорошо демонстрирует, что в современном мире женщине, чтобы преуспеть в мужской профессии, надо мужчин превосходить. В 1994 г. она поехала учиться в Массачусетский технологический институт (MIT), где выбрала курс по экономике развития профессора А. Банерджи, который стал сначала ее научным руководителем, потом коллегой, потом отцом ее ребенка, а в 2015 г. и мужем. О высоких способностях Дюфло свидетельствует то, что в MIT для нее было сделано уникальное исключение: обычно этот престижнейший вуз не оставляет на работу своих выпускников, однако Дюфло оказалась первым выпускником, для которого этот принцип нарушили, оставив ее после защиты докторской диссертации в 1999 г. работать в MIT.

О сфере интересов Дюфло можно судить по ее докторской диссертации, в которой рассматривалось влияние широкомасштабной программы подъема школьного образования на повышение уровня человеческого капитала в Индонезии 1970-х гг. [Duflo 1999]. Она отмечала, что результативность этой программы не следует переоценивать. Сравнение когорт детей, охваченных новой школьной программой, с теми, которые не смогли ею воспользоваться, приводит к выводу, что осуществление программы привело к увеличению заработной платы каждого получившего лучшее образование индонезийца в сред-

нем лишь на 3,8%. Столь мизерный результат демонстрирует типичную проблему стран догоняющего развития (включая Россию): даже если правительство интенсивно инвестирует в образование, “образовательная рента” слишком невелика, чтобы существенно стимулировать работников.

Биография самого старшего нобелевского лауреата 2019 г., А. Банерджи, напоминает жизненную траекторию его старшего соплеменника А. Сена: родился в Индии в 1961 г., после получения высшего образования в Калькутте продолжил учение на Западе (в Гарварде), затем получил американское гражданство и должность профессора в МПТ. То, что уже второй индиец (пусть с американским паспортом) становится лауреатом Нобелевской премии по экономике, – само по себе проявление роста актуальности экономики развития: хотя Индия – далеко не самая бедная из государств “третьего мира”, но и из нее высокообразованные специалисты активно уезжают в развитые страны.

Круг интересов и исследовательских методов Банерджи можно представить по его интересной статье о современных последствиях британских земельных реформ в колониальной Индии [Банерджи, Айер 2018]. Фактически он продолжил данный К. Марксом в 1853 г. анализ колониальных “аграрных революций” [Маркс 1957, с. 221–222] и в целом “будущих результатов британского владычества в Индии”. В начале XIX в. колониальная британская администрация в этой стране заменяла традиционную для Азии “многослойную” систему прав собственности на землю в одних местах на квазифеодальную систему заминдари (“карикатуру на английское крупное землевладение”), просуществовавшую до середины XX в., а в других – на квазифермерскую систему райятвари (“карикатуру на французскую систему крестьянской собственности”), которая с середины XX в. стала в Индии универсальным институтом. Как указано в статье А. Банерджи и Л. Айер, в современной Индии наблюдаются существенные институциональные различия экспомещичьих и непомещичьих регионов. Там, где крестьяне раньше начали привыкать к “фермерской” частной собственности, в конце XX в. оказались выше и сельскохозяйственная продуктивность, и обеспеченность общественными благами (дорогами, электричеством и др.). Важный вывод о высоком значении институциональной *path dependency* оказался получен в результате своеобразного естественного эксперимента, невольно организованного историей, поскольку в Индии экспомещичьи и непомещичьи округа часто соседствовали.

Хотя Банерджи кажется “скрытым” фигурой своей жены, но, видимо, именно он играет роль “мозгового центра”, будучи вместе с Э. Дюффо соруководителем Poverty Action Lab, организующей полевые эксперименты в странах “третьего мира”. Их совместные исследования суммированы в совместной монографии “Экономика бедных: радикальное переосмысление пути борьбы с глобальной бедностью” [Banerjee, Duflo 2011]. Она демонстрирует как богатую эмпирическую базу исследований, так и, к сожалению, гораздо менее фундаментальную теоретическую базу.

Третьему нобелевскому лауреату в СМИ уделяют меньше внимания, чем Дюффо и Банерджи. В биографии гарвардского профессора М. Кремера на самом деле меньше ярких событий: родился в 1964 г. в Нью-Йорке в семье еврейских иммигрантов из Европы, после получения степени доктора экономических наук в Гарварде работал в МПТ и в Чикагском университете. Между тем за “неприметностью” Кремера скрывается то, что хотя полевые эксперименты в бедных странах в последние десятилетия организовывали Дюффо и Банерджи, но вообще-то проводить их раньше начал именно Кремер. В пресс-релизе о награждении премией им. А. Нобеля его справедливо поставили на первое место, указав, что еще “в середине 1990-х Майкл Кремер и его коллеги продемонстрировали, насколько действенным может быть этот (экспериментальный. – Р.Н., Ю.Л.) подход, используя полевые эксперименты для проверки ряда методов воздействия, которые могли улучшить результаты школьного обучения в западной Кении” (<https://www.nobelprize.org/uploads/2019/10/press-economicsciences2019.pdf>).

Кремер интересен также тем, что, в отличие от двух своих более популярных коллег, совсем не чурается теоретических обобщений. В частности, еще в 1990-е гг. он сформулировал интересную “теорию уплотнительных колец” [Kremer 1993], согласно которой происходит выравнивание квалификации работников, производящих многокомпонентный продукт, иначе брак в самой простой детали обнулит весь результат¹. Данная теория, в частности, доказывает, что модернизация производства в отстающих странах, чтобы стать успешной, обязательно должна принимать комплексный характер, в противном случае высококвалифицированные специалисты из этих стран не будут находить применения.

“Сантехника” вместо “физики”

“Новые” методы анализа, за которые, собственно, и дали нобелевскую премию, отражают явное разочарование специалистов по экономике развития в действенности экономико-математического моделирования и даже в теории вообще. Дюфло изложила эту методологическую позицию в статье с провокационным названием “Экономист как водопроводчик” [Duflo 2017]. Экономист, изучающий бедность в отстающих странах, по ее мнению, “ближе к сантехнику, чем к физики, который стремится раскрыть главные законы мира”. Это значит, что “пора перестать рассматривать бедность как большую проблему с большими решениями. Если потребовать от сантехника починить весь дом, у него ничего не получится. Но если он разберется с протечками, а с крышей все в порядке, уже можно к чему-то прийти”. Такая позиция напоминает популярную в России “теорию малых дел”: если непонятно, как спасти страну, то надо в меру сил стараться улучшить жизнь хотя бы отдельных людей.

Для получения строго достоверных ответов на свои “маленькие” конкретные вопросы экономисты используют рандомизированный подход, который пришел в экономику развития из медицины. Ведь как проверяют действенность новых лекарств? Берут две группы больных, одних лечат традиционным способом, на других апробируют новый метод лечения, и если в экспериментальной группе выздоравливают лучше, чем в контрольной, то новый метод признается действенным. Аналогично стали работать и экономисты, сравнивая результаты контрольной выборки (деревню или группу деревень) с выборкой (другой деревней или их группой), в которой проходит эксперимент.

В центре оказывается исследование эффективности той помощи, которую получают развивающиеся страны и которая слишком часто малоэффективна. Экономисты отказываются от макроанализа и сосредотачиваются на микро- и мезоуровне, чтобы выяснить, какие именно факторы влияют на сравнительную эффективность программ помощи домохозяйствам в тех или иных бедных сельских районах. Крамер начинал в 1990-х гг. с единичных рандомизированных контролируемых испытаний, а в 2000–2010-е гг. Poverty Action Lab, руководимая Э. Дюфло и А. Банерджи, провела уже более 800 полевых исследований. Изложим для понимания “революционности” новых методов пару наиболее известных практических экспериментов новых нобелевских лауреатов.

В статье “Кино, маржа и маркетинг: поощрение внедрения обогащенной железом соли” рассматривается конкретный пример борьбы с анемией [Banerjee, Barnhardt, Duflo 2015]. Речь идет о борьбе с малокровием, ведущем к постоянной общей слабости, одной из основных причин очень широкого распространения которой является дефицит железа в организме. Эксперимент был поставлен в штате Бихар на севере Индии, где треть жителей живет за чертой бедности. В 200 деревнях из случайно выбранных 400 владельцам местных магазинов предложили пустить в продажу обогащенную железом соль Tata

¹ Именно это произошло при катастрофе американского космического корабля “Челленджер” в 1986 г. из-за недоработок при производстве грошковых уплотнительных колец.

plus. Чтобы стимулировать потребление крестьянами незнакомого продукта, организаторы эксперимента в одних деревнях организовывали показ рекламного-развлекательного фильма, а в других стимулировали владельцев сельских магазинов высокими скидками на поставку соли с железом. Оказалось, что наибольшее воздействие оказал фильм: там, где его показывали, потребление нового вида соли выросло на 5,5 процентных пункта. Большим успехом это, конечно, назвать трудно, но ведь на то они и “малые дела”...

Некоторые другие эксперименты по ликвидации бедности оказывались еще менее успешными. Неудачей, в частности, окончилась попытка объединения медицинского страхования с получившим уже широкое распространение микрофинансированием. В ряде статей [*Banerjee, Duflo, Hornbeck 2014; Duflo, Banerjee, Hornbeck 2014*] анализируется неудачный опыт действующей в той же Индии компании SKS Microfinance, которая в 2006–2007 гг. решила сделать условием продления микрофинансирования покупку дешевой медицинской страховки. Организаторы эксперимента произвольно выбрали 101 деревню, где стали предлагать страховку получателям микрокредитов, а другие 100 стали контрольной группой. Увы, такой микробанкинг с нагрузкой потерпел неудачу: очень многие заемщики не могли решить заранее, потребуется ли им в будущем медицинская страховка, поскольку уверенно предсказать можно было только обращение к врачам женщин по беременности. Требование покупки страховки привело к снижению возобновления микрокредита на 31% в экспериментальных группах по сравнению с контрольными, где страховой полис в нагрузку не предлагался. Получается, что микробанкинг хотя и делает бедняков микропредпринимателями, но мало помогает им выбиться из бедности и модернизироваться. Результат пессимистичный, но ведь и отрицательный результат тоже важен, особенно если он достоверен².

Это сладкое слово — свобода...

В методике новых нобелевских лауреатов есть еще один важный аспект: следуя за идеями Сена о самооценности свободы, они доказывают, что средства борьбы с бедностью нужно искать совместно с получателями помощи. “Бедные, – считает Дюфло, – должны взять на себя ответственность за свою жизнь” [*Duflo 2012*], что позволит резко повысить эффективность борьбы с бедностью. Такая позиция, конечно, напоминает шутку, что советы по самосовершенствованию – это когда человек из Беверли-Хиллз рекомендует человеку из Гарлема выйти из зоны комфорта. Но здесь есть рациональное зерно.

В основе традиционных представлений о помощи бедным, полагает Дюфло, лежат ложные идеи патернализма: “С самого начала патернализм... предлагался в качестве замены (и альтернативы) индивидуальной ответственности и свободы, коллективной (классовой или иной) солидарности и вмешательства правительства. Оно было основано на взглядах на бедных, которые часто являлись откровенно унижительными, даже когда наблюдалось искреннее желание помочь им”. На самом деле благотворительность (и вообще программы помощи, которые не требуют, чтобы бедные вносили свой вклад) “не только морально предосудительна, потому что она отнимает свободу (выбора. – *Р.Н., Ю.Л.*), но, кроме того, сам акт отчуждения этой свободы также заманивает бедных в бедность” [*Duflo 2012*]. В этой позиции легко узнается критика “неразборчивой благотворительности”, данная еще К. Поланьи в “Великой трансформации” (1944 г.) в связи с анализом негативных последствий британского закона Спинхемленда (1795 г.).

Важный элемент объяснения полученных во время экспериментов результатов – предложенное Дюфло понятие “ловушки бедности”. Если человек живет в хронической бедно-

² Впрочем, доказательность рандомизированных исследований нобелевских лауреатов сама по себе является методологической проблемой, вызывающей полемику (см., например, [*Воробьев, Кравченко, Майборода 2019*]).

сти, если ему ничего не удастся, то “предвкушение вероятного провала может привести человека к рациональному решению сдержать свои усилия, избежать инвестиций и, таким образом, достичь еще меньшего, чем он мог бы достичь в противном случае” [Duflo 2012]. Открытием эти наблюдения Дюфло, конечно, не назовешь, поскольку здесь слышны отголоски идей, введенных в широкий научный оборот еще британским антропологом Дж. Скоттом. В своей монографии “Моральная экономика крестьянства” (1976 г.) он объяснял мнимую иррациональность азиатских крестьян “этикой выживания”, выработанной многовековым опытом бедности: когда крестьянское хозяйство постоянно балансирует на грани голода, то стремление максимизировать доход вытесняется желанием минимизировать риск [Scott 1976].

Дюфло фактически развивает выводы Скотта, подчеркивая, что минимизирующая риски пассивность делает негативные ожидания самосбывающимися, еще более вероятными. Чем больше негатива в жизни человека, тем сильнее он склонен к мрачным ожиданиям относительно своего будущего. Так возникает порочный круг, выйти из которого довольно сложно. Поэтому Дюфло считает, что “в развивающихся странах психическому здоровью должно уделяться больше внимания, чем сейчас” [Duflo 2012]. Понятно, что визит к психоаналитику бедняку не поможет. Ему надо дать надежду, которая подействует как мощный стимул, в то время как безнадежность тормозит улучшение жизненных условий. Конечно, для психологов то, что “открывает” Дюфло, относится едва ли не к азам. В анализе детской психологии, например, специально обращается внимание на то, что причиной плохого поведения детей часто становится мотивация избегания неудач. Поскольку отдельный индивид в своем личном развитии во многом повторяет развитие социума, не удивительно, что поведение взрослых людей в отсталых обществах кажется “детским”, с точки зрения людей из развитых обществ.

Очень важно, что новые нобелевские лауреаты не ограничиваются общими рассуждениями о том, что “прогрессоры” должны вовлекать самих бедных в борьбу с бедностью, а разрушают сложившиеся стереотипы о бедных “третьего мира”, детализируя те “азиатские ценности”, о необходимости учета которых Мюрдаль писал более полувека назад. Нобелевские лауреаты 2019 г., в частности, справедливо отмечают, что рациональность бедных в “третьем мире” заметно отличается от привычных представлений на Западе. Даже в условиях нищеты бедные отдают предпочтение расходам, которые делают их жизнь более престижной, менее “скудной”. В частности, они тратят скудные средства не столько на высококалорийное питание, сколько на мобильные телефоны, участие в культурных мероприятиях (в календаре Республики Индия около 50 одних только общенациональных праздников), на приобретение малоценной, но более “вкусной” пищи. Нерациональность проявляется и в том, что они часто покупают дорогостоящие и малоэффективные лекарства вместо регулярной профилактики болезней (что очень знакомо, увы, и россиянам). Поэтому “троица” лауреатов не устает повторять, что необходимо использовать дополнительные стимулы для преодоления ложных культурных стереотипов (например, предоставлять бесплатное питание в качестве награды за прохождение последовательных этапов вакцинации).

Экономика в пользу бедных?

В пресс-релизе о присуждении премии им. А. Нобеля за 2019 г. утверждается, что “результаты исследований лауреатов и исследователей, следующих по их стопам, значительно улучшили нашу способность бороться на практике с бедностью. Как прямой результат одного из их исследований, более 5 млн индийских детей получили пользу от эффективных программ коррекционного обучения в школах” (<https://www.nobelprize.org/uploads/2019/10/press-economicsciences2019.pdf>).

Формулировки нобелевского пресс-релиза создают ощущение, что “нам карта побед вручена”. Действительно, в последние десятилетия в мире достигнут существенный прогресс в снижении бедности: в 1981–2008 гг. общая численность людей, живущих за чертой бедности (1 долл. в день с учетом ППС), сократилась вдвое [Дитон 2016, с. 63]. Но насколько стабилен этот вектор успеха? И в какой степени достигнутые успехи можно приписать достижениям экономической теории развития, включая научные труды новейших нобелевских лауреатов? Ведь статистика успехов в борьбе с бедностью показывает, что они географически очень неравномерны. Львиная доля глобального успеха приходится на улучшение положения в КНР, где успехов достигают “не совсем” по рецептам экономики развития. Что же касается самого бедного региона планеты, Черной Африки, то здесь количество бедных, наоборот, сильно выросло. Можно согласиться с А. Дитоном, что человечество осуществляет “Великий побег”, но следует уточнить, что хотя большинство бежит на свободу, некоторые бегут в обратную сторону. Попробуем теперь критически оценить успехи экономической теории развития в целом и конкретно “доказательной экономики развития”.

Прежде всего надо подчеркнуть, что новые нобелевские лауреаты работают в рамках все той же метапарадигмы “большого толчка” (*big push*), которая сформировалась в 1950-е гг.: чтобы отстающие начали лучше развиваться, на них должны как-то подействовать извне мудрые “прогрессоры”. За полвека существенно изменилось понимание того, кто и как должен “толкать”, но сама необходимость внешнего “прогрессорства” не подвергается сомнению. Новизна – в осознании, что надо ловить обратные сигналы и создавать систему стимулов, чтобы “разбуженные” дальше развивались сами, уже не требуя постоянного “подталкивания”.

В соответствии с новым пониманием “толкания” крупные национальные проекты, низкая эффективность которых справедливо раскритикована У. Истерли, заменяются множеством мелких локальных реформ, научным обеспечением которых и являются эксперименты новых нобелевских лауреатов. По описанию экспериментов видно, что в роли внешних “прогрессоров” в них выступают не непосредственно западные инвесторы, а правительства самих бедных стран “третьего мира”.

Насколько же результативны эксперименты новых нобелевских лауреатов? Посмотрим критически, например, на исследование, по итогам которого удалось улучшить обучение для более 5 млн детей в Индии. Можно понять восторг Шведской королевской академии наук, ведь все население Швеции составляет чуть больше 10 млн. Но теперь вспомним, что население Индии – более 1,5 млрд человек, из них бедные – примерно две трети. Если, предположим, одно исследование за один год помогает 5 млн детей в этой бедной стране, то за сколько лет удастся помочь всем бедным детям, которых в Индии не менее четверти миллиарда?

Теперь попробуем оценить достижения новых нобелевских лауреатов в другой системе критериев – с точки зрения не практических результатов, а научной оригинальности и перспективности. Быть может, новые методы сейчас дают не очень высокую отдачу, но в будущем произойдет ее экспоненциальный рост?

Обзор работ нобелевских лауреатов – предшественников “троицы” показывает, что используемый ими рандомизированный подход – это, конечно, шаг вперед. Однако вообще-то он – одна из разновидностей сравнительного (компаративистского) анализа, которому не одна тысяча лет.

Другое дело, что чаще всего сравнительные исследования построены на изучении результатов *естественных* экспериментов, когда сравниваются объекты, разнесенные во времени или в пространстве (в ранее упоминавшийся статье Банерджи про сравнение последствий разных колониальных систем землевладения в Индии использовались оба эти приема). Рандомизированный подход относится к разновидности *искусственных* (со-

знательно спланированных) экспериментов, которые можно проводить на разных уровнях. Экспериментатор либо искусственно имитирует развитие объекта (скажем, предлагает коллегам сыграть роль мелкого предпринимателя, как у Э. де Сото), либо ставит эксперимент на “живом” объекте, внося в него изменения. Имитирующие эксперименты возможны лишь на микро- и мезоуровнях, в то время как эксперименты-реформы возможны в принципе на любых уровнях. Эксперименты на микроуровне начались уже в XIX в., вспомним хотя бы филантропическую деятельность Р.Оуэна или “банки справедливого обмена” П.Ж. Прудона. С 1960-х гг. благодаря прежде всего работам В. Смита (лауреата нобелевской премии за 2002 г.) формируется даже экспериментальная экономическая теория как особое направление “*economics*” [Смит 2008]. Если сам Смит проводил эксперименты в основном кабинетно-имитационного типа, то основоположники искусственных экспериментов в реальном мире на микроуровне в экономической теории развития – это Юнус и особенно де Сото, опередившие новых нобелевских лауреатов на 15–20 лет.

Отличие Банерджи, Дюфло и Кремера от их предшественников заключается в использовании контрольной группы (хотя при проведении социально-экономических экспериментов в развитых странах рандомизированных объектов проводилась уже в 1960–1970-е гг.). Кроме того, поскольку при рандомизированном подходе рассматриваются изменения не единичных домохозяйств (как в экспериментах Юнуса и де Сото), а больших локальных групп домохозяйств, то эксперименты “тройки” нобелевских лауреатов проводятся скорее на *мезоуровне*.

Ахиллесова пята новых нобелевских лауреатов – слабая связь между экспериментами и их теоретическим обоснованием. Дюфло заявляла, что она сознательно отказывается от анализа “больших проблем с большими решениями”, но в ее позиции легко заметить много уязвимых мест и вообще попытку выдать нужду за добродетель.

Зададимся вопросом: на основе каких соображений выбираются те методы воздействия, эффективность которых затем проверяется в ходе экспериментов? Ведь, например, внедрять потребление обогащенной железом соли можно не только при помощи рекламных кинороликов или ценовых скидок, но и “шершавым языком плаката”, радиопередачами, введением штрафов за отказ от потребления, административными приказами (в стиле, скажем, “не купивший рекомендованную правительством соль объявляется врагом народа Республики Индия”) и т.п. Возникает впечатление, что экспериментаторы проверяли те решения, которые подсказывала им собственная (западная) культура. Но почему надо *a priori* считать, что для модернизации, допустим, азиатской или африканской страны лучше подойдут прозападные методы? Ведь хорошо известно, как удалось в маоистском Китае погасить высокую рождаемость. Те, кто чрезмерно “плодились”, получали материальные и административные взыскания как нелояльные граждане. В результате на редкость быстро в КНР произошел переход от много- к малодетной семье. Правда, если бы исследователи осмелились доказать, что модернизации могут хотя бы в каких-то аспектах помогать авторитарные методы, о присуждении им Нобелевской премии, пожалуй, не было бы и речи.

Другой очень спорный вопрос – убеждение экспериментаторов (искреннее ли?), что если экономист-“сантехник” разберется с отдельными “маленькими” проблемами, то шаг за шагом ему удастся улучшить весь “дом”. В России подобная попытка постепенно улучшить “реальный социализм” предпринималась дважды (во время косыгинской реформы и горбачевской “перестройки”) и в обоих случаях оказывалась неудачной: старая институциональная система либо отторгала инновации (в первом случае), либо под их влиянием катастрофически разваливалась (во втором случае). И дело было не в конкретных просчетах “экспериментаторов”.

Комплексное изучение развития социально-экономических систем показывает, что любая из них представляет собой комплекс взаимосвязанных “правил игры”, так что попытка

качественно изменить любое из этих правил наталкивается на сопротивление других норм. Уподобляя экономиста “сантехнику”, Дюфло пользуется образом механической системы, которую действительно можно “ремонтировать” по частям. Но социально-экономические системы подобны не механизму, а скорее организму, где все зависит от всего (кстати, “теория соединительных колец” Кремера – частное проявление данной закономерности). Соответственно, и экономист, стремящийся модернизировать систему, рано или поздно осознает, что он похож не столько на “сантехника”, сколько на “врача”, задача которого лечить, например, не просто левое ухо, а пациента в целом.

Конечно, экономист может считать себя отвечающим не за “дом” в целом, а только за “протечки в трубах”. Но тогда он обречен получать невысокие результаты: традиционная система будет слабо реагировать на частные изменения, отторгая их или экзантируя (заставляя новые институты выполнять традиционные функции). Ведь новые нобелевские лауреаты сами отмечают, что в ряде экспериментов первоначальные положительные изменения со временем сглаживались.

* * *

Критические суждения по поводу достижений новых нобелевских лауреатов не следует рассматривать как стремление принизить их вклад в современные экономические исследования. Предложенный ими подход пока, пожалуй, революционным не является, но революционный потенциал у него есть. До сих пор экономика развития больше представляла собой научную теорию, дистанцированную от практики, имеющую с ней слабую обратную связь. Новые нобелевские лауреаты предложили контртезис – практическое экспериментирование, которое позволяет улавливать сигналы снизу, но в значительной степени оторванное от теории. Теперь необходим синтез – соединение практик экспериментальной проверки с теоретическим обоснованием экспериментов и с углублением теории по их итогам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Банерджи А., Айер Л. (2018) Землепользование колониального периода, электоральная конкуренция и общественные блага в Индии // *Естественные эксперименты в истории*. М.: АСТ. С. 240–283.
- Воробьев В.А., Кравченко А.А., Майборода Т.Л. (2019) Экономические полевые эксперименты: новый подход к сокращению бедности // *Белорусский экономический журнал*. № 4 (89). С. 4–26.
- Воронов Ю.П. (2020) Эксперименты над нищетой (нобелевская премия по экономике 2019 года) // *ЭКО*. № 1 (547). С. 76–94.
- Дитон А. (2016) *Великий побег: здоровье, богатство и истоки неравенства*. М.: Издательство Института Гайдара.
- Ениколопов Р.С. (2020) Доказательная экономика развития: Нобелевская премия по экономике 2019 года // *Вопросы экономики*. № 1. С. 5–17.
- Истерли У. (2006) *В поисках роста. Приключения и злключения экономистов в тропиках*. М.: Институт комплексных статистических исследований.
- Маркс К. (1957) *Военный вопрос. — Парламентские дела. — Индия* // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. в 50 т. Т. 9. М.: Государственное издательство политической литературы. С. 216–223.
- Нуреев Р.М. (2020) *Экономика развития: модели становления рыночной экономики*. М.: НОРМА. ИНФРА-М.
- Перкинс Д. (2012) *Исповедь экономического убийцы*. М.: Претекст.
- Сен А. (2004) *Развитие как свобода*. М.: Новое издательство.
- Смит В. (2008) *Экспериментальная экономика*. М.: ИРИСЭН; Мысль.
- де Сото Э. (2008) *Иной путь: Экономический ответ терроризму*. Челябинск: Социум.
- Юнус М., Жоли А. (2009) *Создавая мир без бедности. Социальный бизнес и будущее капитализма*. М.: Альпина Паблшер.

- Banerjee A., Barnhardt Sh., Duflo E. (2015) *Movies, Margins and Marketing: Encouraging the Adoption of Iron-Fortified Salt* (<http://economics.mit.edu/files/10695>).
- Banerjee A., Duflo E. (2011) *Poor economics: a radical rethinking of the way to fight global poverty*. New York: Public Affairs.
- Banerjee A., Duflo E., Hornbeck R. (2014) Bundling Health Insurance and Microfinance in India: There Cannot be Adverse Selection if There is No Demand // *American Economic Review: Papers and Proceedings* 2014 (<http://economics.mit.edu/files/9640>).
- Deaton A. (2005) *Data and Dogma: The Great Indian Poverty Debate*. The World Bank Research Observer.
- Duflo E. (2012) *Human values and the design of the fight against poverty*. Tanner Lectures (<http://economics.mit.edu/files/7904>).
- Duflo E. (1999) *Schooling and Labour Market Consequences of School Construction in Indonesia: Evidence from and Unusual Policy Experiments*. Mimeo Department Of Economics. MIT.
- Duflo E. (2017) *The Economist as Plumber* // *American Economic Review*. Vol. 107. No. 5. Pp. 1–26.
- Duflo E., Banerjee A., Hornbeck R. (2014) *(Measured) Profit is Not Welfare: Evidence from an Experiment in Bundling Microcredit and Insurance* (<http://economics.mit.edu/files/9879>).
- Kremer M. (1993) *The O-Ring Theory of Economic Development* // *Quarterly Journal Economics*. Vol. 108. № 3. Pp. 551–575.
- Myrdal G. (1968) *Asian Drama: An Inquiry into the Poverty of Nations*. Vol. I–III. New York: Pantheon Books.
- Scott J.C. (1976) *The moral economy of the peasant: rebellion and subsistence in southeast Asia*. New Haven, London: Yale Univ. Press.
- Sen A. (1981) *Poverty and Famines: An Essay on Entitlement and Deprivation*. Oxford: Clarendon Press.
- Subramanian S., Deaton A. (1996) *The Demand for Food and Calories* // *Journal of Political Economy*. Vol. 104. No. 1. Pp. 133–162.

REFERENCES

- Banerjee A., Barnhardt Sh., Duflo E. (2015) *Movies, Margins and Marketing: Encouraging the Adoption of Iron-Fortified Salt* (<http://economics.mit.edu/files/10695>).
- Banerjee A., Duflo E. (2011) *Poor economics: a radical rethinking of the way to fight global poverty*. New York: Public Affairs.
- Banerjee A., Iyer L. (2018) *Zemlepol'zovanie kolonial'nogo perioda, elektoral'naya konkurenciya i obshchestvennye blaga v Indii* [Colonial Land Tenure, Electoral Competition, and Public Goods in India]. *Estestvennye eksperimenty v istorii* [Natural Experiments of History]. Moscow: AST, pp. 240–283.
- Banerjee A., Duflo E., Hornbeck R. (2014) Bundling Health Insurance and Microfinance in India: There Cannot be Adverse Selection if There is No Demand. *American Economic Review: Papers and Proceedings* (<http://economics.mit.edu/files/9640>).
- Deaton A. (2005) *Data and Dogma: The Great Indian Poverty Debate*. The World Bank Research Observer.
- Deaton A. (2016) *Velikiy pobeg: zdorov'e, bogatstvo i istoki neravenstva* [The Great Escape. Health, Wealth, And The Origins Of Inequality]. Moscow: Publishing house of the Gaidar Institute.
- Duflo E. (2017) *The Economist as Plumber*. *American Economic Review*, vol. 107, no. 5, pp. 1–26.
- Duflo E. (2012) *Human values and the design of the fight against poverty*. Tanner Lectures (<http://economics.mit.edu/files/7904>).
- Duflo E. (1999) *Schooling and Labour Market Consequences of School Construction in Indonesia: Evidence from and Unusual Policy Experiments*. Mimeo Department of Economics. MIT.
- Duflo E., Banerjee A. (2014) (Dis)organization and success in an economics MOOC. *American Economic Review: Papers and Proceedings*, no. 5, pp. 514–518 (<http://economics.mit.edu/files/9702>).
- Duflo E., Banerjee A., Hornbeck R. (2014) *(Measured) Profit is Not Welfare: Evidence from an Experiment in Bundling Microcredit and Insurance* (<http://economics.mit.edu/files/9879>).
- Easterly W. (2006) *V poiskah rosta. Priklyucheniya i zloklyucheniya ekonomistov v tropikah*. [The Elusive Quest for Growth: Economists' Adventures and Misadventures in the Tropics]. Moscow: Institute for Comprehensive Statistical Studies.

Enikolopov R.C. (2020) Dokazatel'naya ekonomika razvitiya: Nobelevskaya premiya po ekonomike 2019 goda [Evidence based development economics: Nobel Prize in Economic Sciences 2019]. *Voprosy ekonomiki*, no. 1, pp. 5–17.

Kremer M. (1993) The O-Ring Theory of Economic Development. *The Quarterly Journal of Economics*, vol. 108, no. 3, pp. 551–575.

Marx K. (1957) Voenniy vopros. — Parlamentskie dela. — Indiya [The military question. — Parliamentary affairs. — India]. Marx K., Engels F. *Soch.* [Works]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, vol. 9, pp. 216–223.

Myrdal G. (1968) *Asian Drama: An Inquiry into the Poverty of Nations*. Vol. I–III. New York: Pantheon Books.

Nureev R.M. (2020) *Ekonomika razvitiya: modeli stanovleniya rynochnoy ekonomiki* [Development Economics: Models for the Formation of a Market Economy]. Moscow: NORMA. INFRA-M.

Perkins D. (2012) *Ispoved' ekonomicheskogo ubijcy* [Confessions of an Economic Hit Man]. Moscow: Pretekst.

Scott J.C. (1976) *The moral economy of the peasant: rebellion and subsistence in southeast Asia*. New Haven and London: Yale Univ. Press.

Sen A. (1981) *Poverty and Famines: An Essay on Entitlement and Deprivation*. Oxford: Clarendon Press.

Sen A. (2004) *Razvitie kak svoboda* [Development as Freedom]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.

Smith V. (2008) *Ekspirimental'naya ekonomika* [Experimental economics]. Moscow: IRISEN; Mysl'.

de Soto E. (2008) *Inoy put': Ekonomicheskij otvet terrorizmu* [The Other Path: The Economic Answer to Terrorism]. Chelyabinsk: Socium.

Subramanian S., Deaton A. (1996) The Demand for Food and Calories. *Journal of Political Economy*, vol. 104 (1), pp. 133–162.

Vorobiev V.A., Kravchenko A.A., Mayboroda T.L. (2019) Ekonomicheskie polevyje eksperimenty: noviy podhod k sokrashcheniyu bednosti [Economic field experiments: a new approach to poverty reduction]. *Belorusskiy ekonomicheskij zhurnal*, no. 4, pp. 4–26.

Voronov Yu.P. (2020) Eksperimenty nad nishchetoy (nobelevskaya premiya po ekonomike 2019 goda) [Experiments on Poverty (2019 Nobel Prize in Economics)]. *EKO*, no. 1, pp. 76–94.

Yunus M., Joli A. (2009) *Sozdavaya mir bez bednosti. Social'nyy biznes i budushchee kapitalizma* [Creating a World without Poverty: Social Business and the Future of Capitalism]. Moscow: Alpina Publisher.